

КРЫМСКАЯ ВОЙНА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ИСПАНИИ

Обращение к данной теме обусловлено тем, что причины, особенности и результаты политики нейтралитета Испании в годы Крымской войны пока не стали предметом исследования российских историков. В лучшем случае, об отношении Испании к Восточному вопросу в 1853–1856 гг. упоминают лишь в связи с освещением позиции США, отмечая, что «фактор США сыграл существенную роль в невступлении в войну Испании». При этом подчеркивается, что союзники Турции, прежде всего Англия, были заинтересованы именно в нейтралитете Испании, поскольку она требовала за вступление в войну слишком большую плату, а именно, гарантий неприкосновенности Кубы¹. Отечественными испанистами Крымская война упоминается как фактор, способствовавший перерастанию военно-дворцового переворота – в июне-июле 1854 г. в мощное народно-революционное движение (О’Доннель пригласил к сотрудничеству прогрессистов, которых поддерживали демократические слои Испании), поскольку резко возросшие цены на хлеб привели к понижению жизненного уровня барселонских текстильщиков на 17,3 %², а нейтралитет Испании в Крымской войне объясняется лишь сложной внутривнутриполитической ситуацией, сложившейся в стране в ходе революции 1854–1856 гг. Между тем, с точки зрения испанских историков, позиция Испании в Крымской войне была обусловлена не только этими причинами. Ее нейтралитет имел целый ряд особенностей и, по мнению некоторых испанских исследователей, стал одним из факторов, позволивших, пусть и на короткое время, приостановить процесс прогрессирующего в 1833 – 1874 гг. падения престижа страны на международной арене³.

Целью данной статьи является рассмотрение причин, особенностей и результатов нейтралитета Испании в годы Крымской войны в контексте тех изменений, которые наметились во внешней политике этой пиренейской страны в 50–60е гг. XIX века.

Для лучшего понимания своеобразия позиции Испании в годы Крымской войны, места и роли этого эпизода в ее внешней политике в XIX веке в целом необходимо отметить, что несмотря на то, что Восточный вопрос в 20–40е гг. XIX в. находился в центре внимания всех европейских государств, Испания, занятая внутренними проблемами (попытка удержать заокеанские владения, первая карлистская война, связанная с неопределенностью прав на наследование испанского престола после смерти Фердинанда VII в 1833 г., раскол среди либералов и др.) в его решении участия в этот период не принимала, как, впрочем, и в других европейских делах. После утраты практически всех своих заокеанских владений Испания окончательно перешла в разряд второстепенных держав. И борьба греков за независимость, и война турецкого султана с египетским пашой не привлекли внимания ни официальных кругов страны, ни общественности. К тому же после заключения Карлом III Константинопольского договора с турками в 1782 г. отношения Испании с Османской империей утратили характер противостояния, однако экономические и политические контакты между странами были минимальные. Кроме того, процесс распада Османской империи усилиями Англии и Франции удавалось приостановить⁴.

«Святоместный спор» между Францией и Россией, послуживший в конечном итоге поводом для нового обострения Восточного вопроса в 1853 г., также поначалу не особенно обеспокоил испанское правительство (у власти в Испании тогда находились «модератос»), как впрочем и большинство европейских стран, поскольку вплоть до мая 1853 г. многие в Европе рассчитывали на то, что сторонам, а именно Франции, России и Турции, удастся договориться. Однако, начиная с января 1853 г. официальные круги Испании в отличие от 20–40х гг. XIX в. уже внимательно следили за развитием восточного кризиса. Об этом свидетельствуют донесения испанских дипломатов в МИД Испании. Их оценка целей и результатов посольства Меншикова в Константинополь не отличалась от общепринятых в то время в Европе. Посольство А. С. Меншикова, «человека малоподходящего для примирительных переговоров», «в сочетании с маневрами русского военного флота», по мнению испанских дипломатов, свидетельствовало о желании России развязать войну⁵. Впрочем, так в Испании о политике России по Восточному вопросу думали далеко не все. В частности, в опубликованном в Мадриде в 1855 г. объемном публицистическом труде Ф. Видаля, по существу летописи событий 1853–1856 гг., дается иная оценка места и роли России в переходе сторон к

военной дипломатии. Например, повествуя о миссии Меншикова к султану, Видадь соглашается с остальными в том, что эта миссия была направлена с целью развязать войну, а не предотвратить ее. Но в то же время испанский автор не осуждает российское правительство и российскую дипломатию, заявляя, что только так она смогла разрешить Восточный вопрос, поскольку к этому ее подталкивали другие европейские державы. Видадь очень положительно отзываясь о Николае I и недоумевает по поводу того, что западные народы приняли сторону Турции после стольких веков борьбы с исламом и напали на Россию, которая, по мнению Видаля, шла по пути прогресса и славы⁶.

В мае 1853 г., когда спор был окончательно подменен вопросом о судьбе Турции и пределах вмешательства в него других держав и Восточный вопрос привлек внимание всей Европы, он уже занял важное место во внешней политике Испании. Неожиданный интерес испанцев к Восточному вопросу в 1853 году был обусловлен целым рядом причин. К их числу следует отнести очередное обострение отношений с США по поводу Кубы, особенно опасное после американо-мексиканской войны, завершившейся для Мексики потерей половины территории. Дело в том, что после неудачной попытки в 1848 г. купить Кубу у Испании в США усилилось движение в пользу аннексии острова. Споры о судьбе острова были в центре внимания американского общества вплоть до начала Гражданской войны 1861–1865 гг. Пока они шли, рабовладельцы Юга предоставляли свою территорию и давали средства для подготовки флибустьерских экспедиций на остров, во главе которых находился Нарсисо Лопес – испанец, служивший ранее в колониальной администрации Кубы, сторонник отделения острова от Испании, бежавший в 1848 г. в США. Несколько попыток Н. Лопеса, опираясь на поддержку кубинских плантаторов-аннексионистов и США, совершить на Кубе переворот не увенчались успехом. Участники последней экспедиции в 1851 г. были захвачены и арестованы испанскими властями. Нарсисо Лопес был казнен, а граждане США, участвовавшие в экспедиции, были помилованы в 1852 г. Изабеллой II, что лишь на некоторое время сняло напряжение, но не ликвидировало его причины⁷. В урегулировании этого конфликта принимал участие Николай I, что являлось, с одной стороны свидетельством возобновления интереса сторон друг к другу после прекращения дипломатических отношений между Россией и Испанией в 1833 г., а с другой стороны – доказательством желания Испании диверсифицировать свои контакты и связи по причине осложнившихся и уже не очень

надежных отношений с Англией и Францией⁸. Например, Англия в 1852 г. потребовала от испанского правительства запрета работоторговли и только после согласия испанцев на этот шаг вместе с Францией обратилась к США с предложением выступить с совместным заявлением «об отказе от каких-либо притязаний на Кубу». Но США ответили отказом. Более того отношения этой страны с Испанией продолжали осложняться на протяжении всего 1852 г. Особенно активно в этом направлении действовал представитель Юга, сенатор П. Сулэ, к тому же готовились новые флибустьерские экспедиции, а ставший в 1853 г. президентом США южанин Пирс вновь активизировал претензии североамериканцев на Кубу⁹.

Другая проблема, заставившая официальные круги Испании обратить внимание на Восточный вопрос – это активизация процесса признания королевы Изабеллы II **европейскими державами, ставшая следствием** первых попыток самостоятельных действий испанских политиков на международной арене. Благодаря помощи, оказанной испанцами Папе Римскому Пию IX в годы революции 1848–1849 гг. на Апеннинском полуострове, Испании в 1851 г. удалось заключить с ним конкордат, выбивший важный религиозный козырь из рук карлистов, что стало для всей Европы важным фактором признания законности восшествия на престол Изабеллы II. В 1851–1852 гг. МИД страны был занят восстановлением дипломатических отношений со странами Северной и Центральной Европы¹⁰.

К занятию более активной позиции на международной арене Испанию толкали и осложнившиеся отношения с Францией и Англией. Четверной Альянс (Англия, Франция, Испания, Португалия), созданный в 1834 г. в качестве противовеса Священному Союзу, в 1848 г. распался. Французская революция 1848–1849 гг., приход к власти республиканцев, их симпатии к карлистам, нашедшим убежище на территории Франции, осложнили отношения между странами. Отношения с ней в 1852 г., после провозглашения Наполеона III **императором, только начали налаживаться**. И их вектор еще не определился окончательно.

Что касается Великобритании, то ее политика в Карибском бассейне, все больше не устраивала Испанию. В частности, запрет работоторговли, введенный Испанией в своих заокеанских владениях по требованию Англии, лишь осложнил ситуацию на Кубе и усилил антииспанские настроения среди кубинских плантаторов.

Эти обстоятельства, с одной стороны, заставляли Испанию быть крайне осторожной на международной арене, а с другой – ставили испанских политиков перед необходимостью внести изменения во внешнюю

политику страны, а именно, не отказываясь от необходимости учитывать зависимость от Англии и Франции, тем не менее во внешней политике ставить на первое место национальные интересы и прежде всего более основательно присмотреться к ситуации на европейском континенте.

В этом плане несомненный интерес для Испании представляла Россия, с которой хотя и не было дипломатических отношений уже около 20 лет, тем не менее, торговля велась. Существовали испанские консульства в Одессе и балтийских портах. Россия была одним из поставщиков зерна в Испанию, как впрочем и во многие другие европейские страны¹¹. Кроме того уже в 1848 г. Испания предпринимала попытку наладить отношения с Россией. Одной из задач военной комиссии, изучавшей армии европейских стран и побывавшей с этой целью по разрешению Николая I в Омске, являлось налаживание контактов с Россией и на политико-дипломатическом уровне¹². Наконец, уже упоминавшееся ранее участие Николая I в урегулировании отношений Испании и США, а также некоторые уступки испанским купцам в таможенных тарифах¹³ являлись свидетельством того, что интересы Испании к началу нового этапа восточного кризиса не ограничивались только заокеанскими владениями и отношениями с Англией и Францией.

Что касается отношений с Турцией, то они и в 1853 г. продолжали носить минимальный характер, в т. ч. и торговые. У Испании не было даже главы консульской службы в Константинополе, а число испанцев в Османской империи было очень незначительным¹⁴. Однако, как свидетельствуют действия испанцев, предпринятые летом 1853 г., возможность расширения контактов и связей с этой страной не исключалась.

Все эти обстоятельства нашли отражение в докладе министра внутренних дел Педро де Эганьи Совету Министров Испании 10 июня 1853 г. Он настоятельно рекомендовал правительству занять более активную позицию по Восточному вопросу. Педро де Эганья, в частности, был абсолютно уверен в неизбежности войны, но еще надеялся на локализацию конфликта. Тогда, по мнению министра внутренних дел, Испания могла бы остаться от него в стороне из-за слабых экономических и политических контактов с обеими сторонами конфликта (Россией и Турцией), что в тот период было наиболее приемлемым для страны развитием событий. В случае интернационализации конфликта, как считал П. де Эганья, Испания не сможет остаться от него в стороне, несмотря на ставший для нее традиционным во внешней политике принцип нейтралитета во всем, что не касается напрямую ее интересов, так как тогда будут затронуты ее

интересы в силу прежде всего «возможного нарушения равновесия сил в Европе». В этом случае Испания будет вынуждена выступить в защиту прав католиков, хотя бы из соображений восстановления былого престижа Испании в Европе. Педро де Эганья напомнил собравшимся о правах на защиту католиков и святых мест в Палестине, предоставленных Испании Константинопольским договором 1782 г. Министр также обратил внимание на то, что вовлечение Англии и Франции в войну на Востоке создаст для США более благоприятные условия для осуществления своих планов относительно Кубы. Следует отметить, что эта проблема в докладе министра внутренних дел не стояла на первом месте среди причин возможного участия Испании в войне на Востоке. В этом докладе большой интерес вызывает также оценка П. де Эганьей расстановки сил в возможной общеевропейской войне. С его точки зрения, если возобладают политические причины, то Россию поддержат Австрия и Пруссия, а Англия и Франция выступят на стороне Турции. При этом он полагал, что последние будут заинтересованы в поддержке или даже прямом участии в войне Испании. Эту ситуацию он предлагал использовать для того, чтобы добиться от Англии и Франции гарантий целостности всех владений Испании, как за океаном, так и в Африке¹⁵. Следует отметить, что в момент обсуждения доклада П. Эганьи в Мадриде английская и французская эскадры уже находились на пути к Черноморским проливам. 13–14 июня 1853 г. военные корабли Англии и Франции бросили якорь в Безикской бухте.

Следствием такой оценки испанцами развития восточного кризиса стали два королевских указа от 12 июня и от 24 июня 1853 г. В указе от 12 июня говорилось о создании комиссии военных наблюдателей, предназначенной для отправки в Турцию, во главе с генералом Х. Примом, амбициозным политиком периода правления Изабеллы II, у которого были сложные отношения с Рамоном Нарваэсом. А согласно указу от 24 июня 1853 г. Испания объявлялась защитницей Святых мест в Палестине¹⁶.

Что касается первого указа, то его инициатором был военный министр и глава испанского правительства генерал Лерсунди, который считал, что испанское присутствие на Востоке, пусть и в таком виде, в сложившихся условиях было крайне целесообразным для поддержки международного авторитета Испании. А поскольку сколь-нибудь серьезное представление о состоянии турецкой армии (которая, начиная с Селима III (1789–1807) реформировалась по европейскому образцу, но судя по предыдущим военным кампаниям, пока не очень успешно) в Испании отсутствовало,

то было важно ознакомиться с ней, дабы выработать планы возможного взаимодействия. В комиссию помимо генерала Х. Прима вошли также дон Федерико Сан-Роман, дон Карлос Детенре, дон Агустин Пита дель Корро и другие опытные военные. Уже 15 июня 1853 г. генерал Прим отбыл из Парижа в Марсель, откуда комиссия отправилась в Константинополь, куда прибыла 4 августа 1853 г., когда русские войска были уже введены в Дунайские княжества, однако русско-турецкая война еще официально не началась. В Турции комиссии был оказан чрезвычайно теплый прием. Уже в сентябре 1853 г. она отправилась в Шумлу, где была сердечно встречена Омер-пашой, командующим турецкими войсками в районе Дуная. Находясь там до декабря 1853 г., генерал Прим тщательно фиксировал информацию о военных маневрах обеих армий в этой зоне. Более того, после официального начала русско-турецкой войны он и комиссия вместе с турецкой армией участвовали в сражениях при Ольтенице и Четати. Все это позволило генералу Приму в отчете, представленном испанскому правительству в январе 1854 г. и позднее, в 1855 г., опубликованном¹⁷, дать довольно объективную оценку состояния турецкой армии и возможностей взаимодействия с ней европейских армий в ходе совместных боев с противником. Симпатии генерала Прима были явно на турецкой стороне (если иметь в виду идеи, которыми он оправдывал войну), например, генерал писал о манифесте Николая I к войскам: «Николай зывал к религиозному фанатизму и к патриотизму русского народа, но не для того, чтобы разжечь его энтузиазм или укрепить дух армии, а для того лишь, чтобы еще раз показать народу, что только ему (Николаю) принадлежат все права и вся власть»¹⁸. Однако, что касается военной стороны дела, генерал Прим дает, как представляется, более объективную характеристику противоборствующим сторонам. Особенно это очевидно при описании испанским генералом сражения при Ольтенице. По его мнению, при всех просчетах русского командования, победа турецкой стороне далась непросто. Это прежде всего, как считал Прим, было связано с тем, что реформы по модернизации турецкой армии хотя и дали определенные положительные результаты, в частности, солдатский и офицерский состав регулярной армии уже более профессионально подготовлен к ведению современной войны по сравнению с 30-ми годами XIX в. Однако в турецкой армии по-прежнему много слабых мест, связанных с действиями нерегулярной армии (янычары) и добровольцев (башибузуков). Их наличие, конечно, важно, как считал генерал Прим, для образования в армии связи между героическим прошлым и будущим, однако в совре-

менной войне эти подразделения приносят больше вреда, чем пользы, как это было, например, в сражении с русскими при Ольтенице. Непредсказуемые действия данных частей турецкой армии собственно и заставляли испанских наблюдателей вмешиваться в ход сражения, как это было, например, в случае с испанским генералом Детенре. Впрочем, генерал Прим и не отрицал, что члены его комиссии принимали активное участие в боевых действиях турецкой армии¹⁹. Видел генерал Прим и слабость турецкого флота, в котором из 80 кораблей лишь 16 были паровыми²⁰. В целом из отчета испанского наблюдателя можно сделать вывод, что воевать вместе с турками европейцам было уже можно, но крайне сложно, ибо у турецкой армии были свои представления о тактике боя, степени подчиненности войск, о дисциплине, свои военные традиции. Более того из отчета следовало, что турецкая армия без помощи европейцев в войне с Россией вряд ли обойдется, хотя прямо испанский генерал об этом старался не писать. О симпатии Х. Прима к туркам свидетельствовал и тот факт, что по возвращении в Испанию в январе 1854 г. он обратился к королеве с прошением о награждении испанскими орденами целого ряда турецких генералов. Важно также отметить, что в декабре 1854 г. Прим был приглашен на прием к французскому императору, где его подробно расспросили об увиденном²¹. Сведения, полученные от опытного испанского военного, несомненно, учитывались Наполеоном III при принятии решения о вступлении Франции в войну на стороне Турции.

Кроме посылки наблюдателей, стремясь поддержать не Турцию, а могущих пострадать в войне между Турцией и Россией христиан, 12 октября 1853 г. Госсекретарь Испании в своем докладе Совету Министров предложил срочно направить в Константинополь в качестве чрезвычайного посла и полномочного министра более опытного дипломата, а также консула в Иерусалим и корабли для их защиты, объявив при этом о нейтралитете Испании в конфликте. 20 октября 1853 г. королева Испании назначила заместителя государственного секретаря А. Рикельме полномочным представителем в Константинополе, а 11 ноября 1853 г. было заявлено о подготовке к выходу из Картахены «эскадры (division naval) для защиты испанских подданных и интересов Испании в любом конфликте, который может возникнуть». Правда, для реализации этого решения необходимо было еще получить соответствующее разрешение султана²². При этом заявления о нейтралитете Испанией сделано не было.

Действия, предпринимаемые Испанией в июне-октябре 1853 г., вызвали озабоченность и даже недоумение в Париже и Лондоне. У испанского

представителя во Франции маркиза Вилумы потребовали объяснений и по поводу миссии в Турции генерала Прима, и относительно готовящейся к походу испанской эскадры. О том, что действия Испании в этот период не согласовывались с Англией и Францией, свидетельствовал и тот факт, что французская пресса, в целом подконтрольная Наполеону III, ставила Прима то во главе турецких войск, то во главе греков. Не зная, что ответить, испанский посол запросил правительство по этому вопросу, отметив при этом, судя по всему не без давления со стороны Франции, что поскольку ни одна из сторон конфликта не проявила заинтересованности в участии в нем Испании, ей все же следует придерживаться нейтралитета, поскольку вмешательство Испании в события на стороне Турции могут заставить царя помогать карлистам. Маркиз Вилума допускал, что Франция и Англия в дальнейшем могут попросить сотрудничества Испании. «Тогда, – как писал он в донесении, – следует пойти им навстречу, предварительно получив гарантии защиты заморских владений Испании». «Это особенно важно для Кубы», – заключал маркиз в донесении от 31 октября 1853 г.²³.

Только после этого, 4 ноября 1853 г., испанское правительство наконец выступило с официальным заявлением о том, что Х. Прим и его комиссия направлены в Турцию исключительно как наблюдатели, (т.е. с целью ознакомления с ситуацией в турецкой армии)²⁴.

Что касается возможного появления испанской эскадры у берегов Турции, то А. Рикельме удалось договориться с султаном о посылке одного (максимум двух) кораблей. Такое же право имели Австрия и Пруссия, в отличие от Испании, подписавшие Лондонскую конвенцию 1841 г. С точки зрения А. Рикельме, этого было вполне достаточно для осуществления гуманитарных целей, если, конечно, Испания не собирается вступать в войну²⁵. Такое разрешение от султана было получено только 18 декабря 1853 г. После чего испанским послам в Париже и Лондоне было предписано проинформировать об этом соответствующие правительства, однако лишь в устной форме и если их об этом спросят. Поскольку к этому времени вопрос о совместном вступлении в войну на стороне Турции Англией и Францией был уже фактически решен, особых возражений относительно появления испанских кораблей у берегов Турции с их стороны не последовало²⁶.

Все эти факты, как представляется, свидетельствовали о том, что Англия и Франция пока не исключали возможности участия Испании в военных действиях против России на их стороне. Более того в нача-

ле января 1854 г., когда английская и французская эскадры уже вошли в Черное море, как следует из донесения испанского посла в Париже Кайо Киньонеса, ему дали понять, что нейтралитет Испании на новой фазе конфликта не устроит Францию²⁷.

Как видно из приведенных выше материалов, профранцузски настроенное правительство «модератос» было непрочь вступить в войну, однако при выполнении Англией и Францией определенных условий, о которых уже упоминалось ранее. А поскольку откликаться на требования Испании дать гарантии неприкосновенности ее заокеанских владений Англия и Франция не торопились, в течение января-марта 1854 г., когда другие европейские державы одна за другой объявляли о своем нейтралитете, Испания не спешила оглашать свое окончательное решение. Об этом, в частности, свидетельствуют письма, разосланные 4–9 февраля 1854 г. испанским послам в европейских странах. В них им было рекомендовано сообщать всем интересующимся о том, что Испания осведомлена об условиях нейтралитета той или иной страны, но всячески избегать объяснений о позиции самой Испании²⁸. Не дождавшись от Испании официальных заявлений относительно ее политики в возможной войне Англии, Франции и Турции против России, Великобритания 7 марта 1854 г. потребовала от Испании конкретных и официальных заявлений об этом. Дело в том, что в этот период возникла угроза появления в Маниле русской флотилии, находящейся, по сведениям англичан, у берегов Китая. Только тогда, 9 марта 1854 г., испанцы заверили Англию в том, что они будут действовать в данном вопросе в соответствии с правами и обязанностями нейтральных стран во время военного конфликта²⁹, что вовсе не означало, что нейтралитет будет соблюдаться Испанией на всем протяжении конфликта и во всех случаях, т.е. официального заявления Испании о нейтралитете так и не последовало.

Политика Испании по Восточному вопросу по-прежнему оставалась непонятной не только великим державам, но даже представителям Испании за рубежом. Об этом, в частности, свидетельствовал доклад испанского чрезвычайного посла и полномочного министра в Константинополе А. Рикельме от 24 марта 1854 г., в котором он с удивлением сообщал о дошедших до него из Марселя сведениях о возможной посылке испанских кораблей с военным грузом в Турцию, что, по его мнению, было несовместимо со статусом нейтральной страны. Более того в данном докладе он отмечал, что «в этой стране [Оттоманская империя – А. П., М. Т.] считают, что Испания вовсе не нейтральна»³⁰. О «своеобразии» нейтралите-

та Испании свидетельствовало и возвращение в Турцию весной 1854 г. комиссии генерала Прима, которая принимала самое активное участие в военных действиях на Балканах вплоть до начала Крымской кампании, о чем с гордостью писал сам Х. Прим на страницах своего отчета³¹.

В последующий период, когда после объявления Англией и Францией войны России (27 и 28 марта 1854 г.) началась «большая война», эти государства неоднократно указывали Испании на необходимость соблюдения ею более строгого нейтралитета, заботясь, правда, в первую очередь о том, чтобы Испания не пошла ни на малейшие уступки России (а такие попытки со стороны России делались, например, в июле 1854 г., когда Россия вместе с США обратилась к Испании с просьбой поддержать российско-американскую конвенцию о морском нейтралитете)³². В частности, 9 апреля 1854 г. Англия и Франция потребовали от Испании провозглашения официальной декларации о нейтралитете. Но добились лишь появления 12 апреля 1854 г. королевского декрета о гарантиях любой торговли под испанским флагом (кроме военных грузов), что вряд ли можно считать декларацией о нейтралитете³³. Надо отметить, что вплоть до окончания Крымской войны Испания так и не сделала официального заявления о своей позиции по отношению к Восточной войне.

Такая политика, дававшая испанцам свободу маневра, в 1854–1856 гг. была обусловлена многими причинами. Одна из них была заявлена испанцами еще 10 июня 1853 г. в докладе П. де Эганьи: для занятия более определенной позиции по Восточному вопросу (будь то нейтралитет или вступление в войну) Испании требовались гарантии сохранения целостности ее заокеанских владений со стороны заинтересованных сторон. Однако ни Англия, ни Франция по-прежнему давать их не торопились. Между тем отношения США и Испании по кубинскому вопросу в 1854 г. резко обострились. Причем масла в огонь подливали именно Англия и Франция, сначала оставив Испанию с США один на один, а затем, как, например, Англия даже грозились поддержать США в случае, если Испания не запретит работорговлю. К счастью для Испании в силу сложной внутривосточной ситуации североамериканцы в 1853–1856 гг. предпочли отказаться от военного захвата острова и стремились получить его через принуждение Испании к его продаже. Назначенный в 1853 г. посланником в Мадрид «пророк аннексионизма», южанин П. Сулэ развернул бурную деятельность в этом направлении. Он вел переговоры с королевой-матерью по этому вопросу, обещая ей лично баснословные барыши, предлагал испанцам заем для уплаты внешнего долга (Испа-

ния была на грани банкротства), обеспечением которого должна была стать Куба. Более того П. Сулэ вступил в тайные отношения с участниками, правда, неудавшегося военно-дворцового переворота июля 1854 г. Наконец, 9 октября 1854 г. появился знаменитый Остэндский манифест американских послов в европейских странах, в соответствии с которым «аннексия Кубы была нужна как для спокойствия США, так и для спокойствия всего мира». Позднее он был дезавуирован правительством США, а в Испанию был направлен новый посол³⁴. Однако кубинская проблема была лишь одной из причин неопределенной политики Испании по Восточному вопросу в 1853–1856 гг.

Другая причина (и следствие одновременно) была связана с серьезной зависимостью испанской экономики от Англии и Франции. В отношениях с Россией такой проблемы не существовало. Даже торговля в 30–40^е гг. XIX в. между двумя странами не являлась значительной. Между тем политика Испании в Крымской войне благотворно сказалась на испанской экономике. В частности, на развитии сельскохозяйственного производства в зерновых районах Испании. Поскольку страна из-за блокады российских портов и войны лишилась поставок дешевого зерна из России, многие испанские землевладельцы увеличили его производство на Пиренейском полуострове. Экспорт зерна из Испании в другие европейские страны увеличился с 431 тыс. кинталей – в 1849–1852 гг. до 1 млн. 737 тыс. кинталей в 1853–1856 гг. и из-за высоких цен на мировом рынке принес большие прибыли торговцам и земледельцам. Кроме того «необъявленный нейтралитет» позволял Испании при случае сотрудничать с воюющими странами с экономической выгодой для себя. Испанская исследовательница М. Т. Менхен приводит несколько фактов такого рода. Например, в середине 1854 г. Англии были проданы мулы для использования на фронтах Восточной войны. Правда, несколько месяцев спустя Великобритании было отказано в продаже лошадей, поскольку из-за начавшейся в Испании революции они были нужны испанской армии. России в июле 1854 г. испанское правительство отказало в займе. Впрочем, таковы были официальные заявления, как обстояло дело на самом деле до сих пор точно не установлено³⁵. Однако, сам факт обращения России за финансовой помощью к Испании также красноречиво свидетельствует о своеобразии испанского нейтралитета.

Однако, если в экономических вопросах испанцы отступали от строгого нейтралитета, то в вопросах участия в военных действиях Испания в 1854–1856 гг. действовала более осторожно. К этому испанское прави-

тельство подталкивала сложная внутривосточная ситуация (революция 1854–1856 гг.). Между тем после прихода к власти в июле 1854 г. «прогрессистов» во главе с Б. Эспартеро, ориентировавшихся во внешней политике на Англию, со стороны альянса (прежде всего Англии) усилилось давление на Испанию с целью вовлечь ее в военные действия: людские потери с обеих сторон в Крымской войне были очень велики. Однако просьба альянса в ноябре 1854 г. послать на Восток 10 тыс. испанских солдат была отвергнута под предлогом внутривосточных проблем, а также из-за необходимости защиты испанских владений за океаном. В начале 1855 г. давление на Испанию относительно ее вступления в войну со стороны союзников вновь усилилось. Причем это давление оказывалось через французского министра иностранных дел Друэна де Люиса, который, как сообщал испанский посол из Парижа, подталкивая Испанию к вступлению в войну, играл на желании испанцев занять более достойное место на международной арене. Он, в частности, заявлял о том, что «Испания не станет великой державой, поскольку не думает о великих делах»³⁶. При этом и Франция, и Англия продолжали игнорировать испанские условия вступления в войну. Не последнюю роль в отказе Испании послать своих солдат в Крым в 1855 г. сыграло и общественное мнение, настроенное против участия Испании в войне, разное отношение «модератов» и «прогрессистов» к Англии и Франции, а также поддержка, которой пользовались карлисты со стороны французских властей³⁷. Поэтому самое большее, на что решилась Испания в этих условиях – это послать в мае 1855 г. очередную комиссию испанских наблюдателей, на этот раз в Крым. Ее возглавили Т. О’Райан Васкес и А. Вильялон Эчеве́рия. Им было предписано собирать данные для составления докладной записки о ходе боевых действий в Крыму. Союзники с большим энтузиазмом отнеслись к этой новой испанской комиссии. В Париже военный министр Франции, граф Вайан, немедленно отдал распоряжения о том, чтобы испанскую комиссию доставили в Крым и снабдили всем необходимым. Комиссия находилась в Крыму до окончания там военных действий.

Отчет комиссии, опубликованный в Мадриде в 1858 г., отличался от отчета генерала Х. Прима, симпатизировавшего Турции и ее союзникам. Т. Васкес и А. Эчеве́рия критикуют действия англичан и французов в Крыму, которые доминировали в людских ресурсах, были лучше вооружены, однако затянули войну при огромных потерях. Главная проблема русской армии, по их мнению, состояла в том, что она была готова к

войне вчерашней, а не сегодняшней. Они также обратили внимание на наличие большого количества испанских карлистов (от 900 до 1460 чел) во французской армии, которых, по их мнению, «гнала на поля войны нужда, так как многие из них бедствовали, эмигрировав во Францию, но которые себя очень хорошо зарекомендовали в Крымской кампании»³⁸.

К моменту принятия решения о посылке испанской комиссии в Крым изменилась и позиция России по отношению к Испании, что также повлияло на принятие испанским правительством решения о невступлении в войну на стороне антироссийского альянса. После смерти Николая I (2 марта 1855 г.) в связи с известиями о попытках Англии и Франции вовлечь Испанию в Крымскую войну Россия начала проводить политику сближения с этой пиренейской страной, дабы гарантировать ее нейтралитет. Российский посол в Берлине барон Будберг имел встречу с испанским представителем в Пруссии, во время которой обсуждался вопрос о возможности восстановления дипломатических отношений между Россией и Испанией. В ходе беседы российская сторона всячески подчеркивала, что их отсутствие со стороны России было связано с гражданской войной в Испании, «переменные успехи в которой не позволяли решить вопрос о престолонаследии», что «вынуждало» императорский кабинет «занимать выжидательную позицию». Но даже в этой ситуации Россия всегда «выказывала Испании добрые намерения» и, что было особенно важно для испанцев, «уважала права метрополии над ее старинными владениями в другом полушарии»³⁹.

В августе-сентябре 1855 г. Великобритания предприняла еще одну попытку вовлечь Испанию в войну. Однако, как следует из донесений по этому вопросу испанского представителя в Великобритании Антонио Гонсалеса, положительный ответ мог быть дан только в случае предоставления Испании полной самостоятельности в выборе времени, способа и условий своего вступления в войну на стороне альянса, в состав которого с января 1855 г. входило и Сардинское королевство, отношение к которому официальных кругов страны было резко отрицательным. А самое главное – Испания желала, чтобы ее отныне и впредь рассматривали как великую державу, которой будут гарантированы свобода, независимость, а также сохранность всех ее владений, как за океаном, так и в Африке⁴⁰. Перед таким натиском Лондон отступил. Тем более, что в Испании отношение к России продолжало меняться в лучшую сторону. Об этом свидетельствует, в частности, «Краткий обзор Восточного вопроса» Хуана Кироги, опубликованный в Мадриде в 1856 г.⁴¹.

Это произведение дает представление о том, как изменились взгляды испанцев на международную обстановку в годы войны и место в ней Испании. Автор, в частности, отвергал обвинение России и ее императора в захватнических планах, широко распространенные в Европе и Испании в 1853–1856 гг. По мнению Кироги, истинные причины, благодаря которым Франция и Англия объединились, помогая Турции, состояли лишь в том, чтобы уменьшить влияние России. Их поддержка Турции была отнюдь не бескорыстной. Очень лестную оценку он дал российской армии и российскому флоту, их действиям в ходе Крымской войны. Большой интерес представляет анализ российско-испанских отношений, сделанный Кирогой в финальном приложении. Автор обзора писал, что спустя долгое время Россия и Испания вновь сблизились и это сближение, по его мнению, могло бы стать большим для Испании, чем просто официальное назначение послов после долгого перерыва в дипломатических отношениях. Возможно, признание Изабеллы II Россией могло бы внести изменения в сложное положение, в котором находилась Испания из-за внутренних и внешнеполитических иностранных интриг. В течение правления Изабеллы II только Франция, Англия, Рим и США имели особое значение во внешней и внутренней политике Испании. Особенно важно понимать, как считает Кирога, какие интересы преследует США в своей политике по отношению к Испании, которая сохранила за собой только Кубу, Пуэрто-Рико и часть Санто-Доминго за океаном, которые, однако, можно приравнять к целой колониальной империи. Естественно, что США будут делать все возможное, чтобы уменьшить влияние Испании в этих владениях. Англия, для которой превыше всего стоят собственные торговые интересы, также является опасной для Испании, проникая все больше с помощью торговых договоров с Португалией на Пиренейский полуостров. Но самым опасным противником Испании, по мнению Кироги, в силу своего географического положения являлась Франция, которая, начав с захвата испанской экономики, может и не остановиться на этом, а воспользоваться испанской революцией в качестве предлога для вмешательства во внутренние дела страны. По мнению автора обзора, в сложившихся обстоятельствах Австрия, Пруссия и Россия являлись естественными союзниками Испании в первую очередь в силу их географического положения. Франция – общий соперник для трех держав, и если бы представился случай, испанская армия смогла бы оттянуть в Пиренеи часть французских сил, что помогло бы России, Австрии и Пруссии. Испания в свою очередь, установив дружественные

отношения с северными дворами, смогла бы уверенно занять позицию нейтралитета в европейской политике, выйдя, наконец, из тени Франции и Англии⁴². Все это было свидетельством изменения отношения не только официальных кругов, но и испанской общественности к внешней политике Испании.

После ноября 1855 г. альянсисты больше не пытались вовлечь Испанию в войну. Нейтралитет Испании с ноября 1855 г. приобрел уже более строгий характер, хотя вплоть до окончания Крымской войны Испания так и не сделала официального заявления об этом.

Приведенные выше факты, тем не менее, как представляется, позволяют сделать вывод о том, что Испания в годы Крымской войны придерживалась нейтралитета, характер которого менялся в течение 1853–1856 гг.: от благожелательного по отношению к Англии, Франции и Турции (вплоть до демонстрации готовности вступить в войну на их стороне) до более строгого нейтралитета на завершающем этапе войны. Ее нейтралитет был обусловлен целым рядом причин экономического и политического характера, в том числе и неочевидностью выгод от вступления в войну на стороне альянса для усиления позиций Испании на международной арене. Отличительной особенностью нейтралитета Испании в 1853–1856 гг. являлось то, что впервые за последние десятилетия официальные круги страны не следовали пассивно в фарватере политики Англии и Франции, а при сохранении необходимости учитывать зависимость от этих стран пытались в первую очередь руководствоваться национальными интересами, которые в этот период уже не ограничивались только желанием сохранить заокеанские владения. Куда более важной задачей внешней политики Испании и «модератос», и «прогрессисты» считали повышение престижа страны на международной арене. Однако, поскольку амбиции испанских политиков не совпадали с реальными возможностями Испании, результаты политики активного нейтралитета страны в годы Крымской войны оказались весьма противоречивыми как для внутреннего, так и для международного положения Испании.

В частности, с одной стороны, в 1853–56 гг. в стране имел место экономический подъем, торговый баланс Испании стал положительным. Но с другой стороны, подъем носил кратковременный характер, поскольку был обусловлен лишь благоприятной экономической конъюнктурой, связанной с повышением цен на зерно на мировом рынке. В результате в Испании увеличилось производство зерновых и их экспорт на мировой рынок. Однако это способствовало обогащению лишь незначительной

группы крупных землевладельцев и торговцев при одновременном ухудшении положения большинства населения из-за высоких цен на хлеб, что (и здесь нельзя не согласиться с российскими историками) и привело к очередному внутривнутриполитическому кризису 1854–1856 гг. При этом обстановка в стране продолжала оставаться напряженной вплоть до начала периода Реставрации.

Что касается усилий испанских политиков, направленных в годы Крымской войны на укрепление позиций страны на международной арене, то, с одной стороны, они были замечены в Европе. В частности, были восстановлены дипломатические отношения с Россией, расширились их взаимные контакты и связи. Имело место сближение с Францией, роль которой после 1856 г. в Европе и мире значительно возросла. Это позволило официальным кругам Испании активизироваться на международной арене в рамках осуществления т. н. «политики престижа». Испанию стали чаще приглашать к подписанию международных конвенций, например, о помощи раненым во время войны, о правах и обязанностях держав, ведущих морскую войну, о порядке морской торговли и блокады во время войны и др.⁴³ Однако, в то же время, надежды испанцев на создание политического союза с Россией не оправдались, а «политика престижа» обернулась к 1868 г. усилением зависимости от Франции и участием страны в дорогостоящих авантюрах, которые к интересам Испании не имели прямого отношения. К тому же более весомые решения по международным вопросам по-прежнему принимались без ее участия, поскольку великие державы и после 1856 г. не видели в Испании не только равного, но даже сколь-нибудь серьезного партнера в той «большой игре», которая шла на международной арене.

Таким образом, нейтралитет Испании в Крымской войне стал, с одной стороны, важным эпизодом во внешней политике страны периода правления Изабеллы II, поскольку свидетельствовал о возрастании интереса политических элит и общественности Испании к европейским проблемам, а также о попытке ее официальных кругов внести изменения во внешнеполитический курс страны с целью усиления позиций Испании на международной арене. Однако, с другой стороны, его значение не следует преувеличивать, так как сколь-нибудь заметных позитивных перемен в международном положении Испании ни в годы Крымской войны, ни в последующий период не произошло.

¹История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1995. С. 406–407.

²Суховерхов В. В. Испания, июль 1854 год // Проблемы испанской истории. 1979. М., 1979. С. 181.

³См. например: Historia de España / por R. Menendez Pidal. Т. 34. Madrid, 1988. P. 847, 857–859.

⁴Ibidem. P. 848–857; *Martín Asuero, Pablo*. La imagen española del ejército Otomano (1784–1907) // Espacio, Tiempo y Forma. Serie V.H Contemporánea. Т. 10. 1997. P. 14–16. Доступно из: <http://webfile.ru/6107325> (5.09.12).

⁵*Menchen M. T.* La neutralidad española ante la guerra de Crimea // Cuadernos de Historia Moderna y Contemporánea. № 4. Madrid, 1983. P. 82–83. Доступно из: <http://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=904700> (5.09.12).

⁶*Кустодиев К. Л.* Испанская книга о последней Восточной войне // Русский архив. 1869. № 5. С. 751–758.

⁷*Almudena Hernandez Ruigomez*. Pretensiones anexionistas de Estados Unidos sobre la Isla de Cuba (1848–1861) // La era Isabelina y la revolución 1843 – 1875: Actas de las XIII Jornadas Nacionales de Historia Militar : Sevilla, del 13 al 17 de noviembre de 2006. Sevilla, 2009. P. 897. Доступно из: http://www.catedrageneralcastanos.org/documentos/pdf/LIBRO_DE_ACTAS_DE_LAS_XIII_JORNADAS_NACIONALES_DE_HISTORIA_MILITAR-1.pdf (5.09.12).

⁸Россия и Испания. Документы и материалы. 1667–1917. Т. II. 1800–1917 / Сост. С. П. Пожарская, А. И. Саплин. М., 1997. С. 165.

⁹*Фонер Ф.* История Кубы и ее отношений с США. 1845–1895. Пер. с англ. Т. 2. М., 1964. С. 41–88, 91; *Jose Manuel Serrano Alvarez*. Cuba y su difícil coyuntura internacional en el Caribe (1843–1853) // La era Isabelina y la revolución 1843–1875: Actas de las XIII Jornadas Nacionales de Historia Militar : Sevilla, del 13 al 17 de noviembre de 2006, 2009. P. 870–879. Доступно из: http://www.catedrageneralcastanos.org/documentos/pdf/LIBRO_DE_ACTAS_DE_LAS_XIII_JORNADAS_NACIONALES_DE_HISTORIA_MILITAR-1.pdf (5.09.12); *Almudena Hernandez Ruigomez*. Op. cit. P. 881–901.

¹⁰Historia de España. P. 857.

¹¹Kalendario manual y guía de forasteros en Madrid, 1833–1838. Доступно из: <http://hemerotecadigital.bne.es/details.vm?q=id:0000873319&lang=es> (5.09.12); Guía de forasteros en Madrid, 1838–1856. Доступно из: <http://hemerotecadigital.bne.es/details.vm?q=id:0002224926&lang=es> (5.09.12); *Menchen M. T.* Op. cit. P. 92–93; *Тарле Е. В.* Крымская война. Т. 1. М., 1941. С. 30–39.

¹²*Brochero J., Marcilla A. J.* Memoria sobre el ejército ruso y los establecimientos militares de aquel imperio. Madrid, 1852.

¹³Россия и Испания. Документы и материалы. Т. II. С. 165.

¹⁴Guía de forasteros en Madrid, 1853. P. 145; *Menchen M. T.* Op. cit. P. 82, 84.

¹⁵Informe del Ministro de la Gobernación de D. Pedro de Egaña al Consejo de Ministros. Цит. по: *Menchen M. T.* Op. cit. P. 84–86.

¹⁶Ibidem. P. 86–87. *Prim J.* Memoria sobre el viaje militar a Oriente presentada al gobierno de S. M. por el Excmo. Sr. General Don Juan Prim, Conde

de Reus, jefe de la comisión de señores oficiales del ejército español nombrada en 1853 para seguir y estudiar las operaciones de la guerra entre Rusia y Turquía. Madrid, 1855. О пребывании комиссии Прима в Турции см.: *Redondo Penas A., Piñol Alabart D.* El general Prim en la Guerra de Crimea (1853–1854): documentos para su estudio // Actas de las XIII Jornadas Nacionales de Historia Militar : Sevilla, del 13 al 17 de noviembre de 2006. Sevilla, 2009. P. 120–135. Доступно из: <http://blocs.tinet.cat/acarn/files/2012/01/InNEjuliol08Cast.pdf> (5.09.12).

¹⁸*Prim J.* Op. cit. P. 225.

¹⁹*Ibidem.* P. 217–226, 285.

²⁰Об этом подробнее: *Martín Asuero, Pablo.* Op. cit. P. 18.

²¹*Redondo Penas A., Piñol Alabart D.* Op. cit. P. 133, 132.

²²Цит. по: *Menchen M. T.* Op. cit. P. 88.

²³*Ibidem.* P. 90.

²⁴*Ibidem.* P. 90–91.

²⁵Цит. по: *Menchen M. T.* Op. cit. P. 91–92.

²⁶См. депеши испанских послов из Лондона и Парижа от 9 и 10 января 1854 г. Цит. по: *Menchen M. T.* Op. cit. P. 92, 94.

²⁷Цит. по: *Ibidem.* P. 93–94.

²⁸*Ibid.* P. 97.

²⁹*Ibid.* P. 97–98. О Тихоокеанском театре военных действий во время Восточной войны см: *Тарле Е. В.* Крымская война. Т. 2. С. 123–125; *Зайончковский А. М.* Восточная война в 2-х т. Т. 2. СПб, 2002. По А. М. Зайончковскому нейтралитет всех европейских стран в Восточной войне был благожелательным по отношению к Англии, Франции и Турции. Он ссылается на книгу французского министра иностранных дел Друэна де Люиса «О нейтральных государствах в Восточной войне», изданной (в Париже) в 1868 г. См.: *Зайончковский А. М.* Указ. соч. С. 175.

³⁰Цит. по: *Menchen M. T.* Op. cit. P. 98–99.

³¹*Prim J.* Op. cit. P. 285; об этом подробнее см. также: *Redondo Penas A., Piñol Alabart D.* Op. cit. P. 134–135.

³²История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1995. С. 407.

³³*Menchen M. T.* Op. cit. P. 100.

³⁴*Фонер Ф.* Указ. соч. С. 130, 105–118, 130–140; *Almudena Hernandez Ruigomez.* Op. cit. P. 898–899.

³⁵*Menchen M. T.* Op. cit. P. 108–109.

³⁶*Ibid.* P. 111.

³⁷*Ibid.* P. 112.

³⁸*O’Ryan y Vazquez T., Villalon A.* Memoria sobre el viaje militar a la Crimea presentada por los oficiales del Cuerpo del Ingenieros nombrados en 1856 para seguir y estudiar las operaciones de la guerra entre Rusia y las potencias occidentales Francia y Inglaterra auxiliando a la Turquía. Tomo 1–2. Madrid, 1858. P. 144, 705; о карлистах подробнее см.: *Ibidem.* P. 348–349, а также: *López Jiménez J. E.* Españoles en la guerra de Crimea// Revista ejército. № 834. Octubre 2010. P. 104–109. Доступно из: http://www.portalcultura.mde.es/Galerias/revistas/ficheros/R_Ejercito_814.pdf (5.09.12).

³⁹Россия и Испания. Документы и материалы. Т. II. С. 165–169.

⁴⁰*Menchen M. T.* Op. cit. P. 114–115.

⁴¹*Quiroga J.* Ojeada española a la cuestion de Oriente por don Juan de Quiroga, comandante graduado de infantería, capitán de ingenieros. Madrid, 1856. Доступно из: http://books.google.ru/books?id=rMgrAAAAAYAAJ&printsec=frontcover&dq=Ojeada+espa%C3%B1ola+a+la+cuestion+de+Oriente&source=bl&ots=zQE790_C3J&sig=1SbDnW8ZpLP8ecH1DxKK7OvASuk&hl=ru&sa=X&ei=TyJJUMWIG-rl4QT0xIDYDA&ved=0CC8Q6AEwAA#v=onepage&q=Ojeada%20espa%C3%B1ola%20a%20la%20cuestion%20de%20Oriente&f=false (5.09.12).

⁴²*Ibid.* P. 17, 32, 42, 93, 98.

⁴³*Historia de España.* T. 34. Madrid, 1988. P. 858.